

— В эти первые месяцы моей учёбы в аспирантуре, то есть зимой и весной 1967-го года, когда я большую часть времени жил в Ленинграде, готовясь к сдаче минимума по языку и философии, я особенно сблизился со Славой Ляцким.

— У него шёл последний год аспирантуры, диссертация была на мази, то есть работа была по существу сделана, оставалось описать всё и оформить в виде отдельного труда. Диссертация обещала быть блестящей, так оно впоследствии и оказалось, хотя основная идея - интерпретация геомагнитных пульсаций типа "жемчужин" черенковским излучением пучка электронов, осциллирующего вдоль силовой линии геомагнитного поля, кажется, не получила в дальнейшем всеобщего признания.

— Но не в этом дело. Работа демонстрировала самостоятельность и оригинальность мышления автора, а кроме того и его умение работать не только головой, но и руками, хотя в геофизике Слава утвердился через несколько лет именно как теоретик.

— Слава сам разработал и установил в Ловозеро (на Кольском полуострове) флюксметрическую установку для регистрации "жемчужин", провёл на ней длительные наблюдения, которые начал будучи ещё студентом, обработал магнитограммы и выявил основные морфологические характеристики "жемчужин", то есть установил зависимости параметров "жемчужин" от времени суток, сезона, степени возмущённости и тому подобных факторов, что само по себе уже составляло основу для стандартной кандидатской диссертации по геофизике. У Славы же это была только первая часть работы.

— Вторая часть содержала теоретическое объяснение результатов, полученных в первой части, на основе, как я уже сказал, черенковского излучения пучка электронов. И эта часть могла сама по себе претендовать на диссертательность, а обе они вместе, конечно, позволяли Славе быть спокойным за итог своей учёбы в аспирантуре.

— В описываемый период времени Слава заканчивал работу над второй частью. Тогда ещё не все требуемые оценки были проведены, но результат в целом уже вырисовывался. Однако "жемчужины" вовсе не поглощали Славу целиком, он живо интересовался всем, что делается по соседству, в том числе и моей работой.

— Особенно придирчиво он следил за творчеством Олега Михайловича Распопова, бывшего нашего начальника экспедиции, которого Слава откровенно недолюбливал, считая его пронырой, шустряком и обвиняя в поверхностности, даже безграмотности, присваивании чужих идей, в помпезной подаче своих в общем-то скромных результатов исследований пульсаций P_i-2 или цугов колебаний, как их тогда называли.

— Распопов копил материал на докторскую, имел аспирантов (Володька Кошелевский, Юра Копытенко), а Слава ещё не представил и кандидатской, но это не мешало ему яростно атаковать Распопова на кафедральных семинарах, шокируя посторонних своей петушиной задиристостью. Распопов же в это время шёл в гору, часто ездил в загранкомандировки, активно участвуя в сотрудничестве с французами по наблюдениям пульсаций в магнитно-сопряжённых точках - в посёлке Согра Архангельской области и на французском острове Кергелен в Индийском океане, связанных одной силовой линией геомагнитного поля - гигантской дугой в несколько десятков тысяч километров, опирающейся на эти две точки.

— Организаторские способности Распопова не вызывали сомнения, чего нельзя было сказать о его научной состоятельности. Славу Распопов явно побаивался, чувствуя его превосходство в понимании предмета, в знании физики вообще, наконец, просто в способностях. Пройдут годы. Распопов станет директором Полярного Геофизического Института, в котором Слава сделает свою докторскую диссертацию, но ему не дадут её защитить (защита будет отменена за день до назначенного срока) по причинам отнюдь не научного характера. Но об этом в своём месте.

— У Славы делали дипломные работы два пятикурсника (аспирантам это вменялось в обязательную педагогическую нагрузку). Один из них - Виталик Чмырёв, оканчивал нашу кафедру, второй - Юра Мальцев - кафедру физики атмосферы. Виталик - высокий, спортивного телосложения темноволосый парень с крупными правильными чертами лица. Юра - среднего роста, светлорусый, в очках, с девичьим румянцем на щеках, очень скромный, даже застенчивый на вид. Способности у обоих были незаурядные, да других бы Слава к себе и не взял.

— Вот из этих-то ребят да нас со Славой и сложилась некая неофициальная группа, у членов которой научные интересы были близки, и хватало желания их интенсивно и регулярно обсуждать. Заводилой обсуждений был всегда Славик. Он ставил вопрос, а мы пытались на него ответить. Критика неправильных ответов была беспощадной, причём обычно сначала один излагал свою точку, а остальные её атаковали, ответчик защищался, потом менялись ролями.

— В общем это были настоящие научные семинары, гораздо более интересные, чем официальные кафедральные. Именно на этих семинарах нашей группы я и рос как физик.

— Славик, конечно, доминировал на этих семинарах. Он и по возрасту был постарше (на четыре года старше меня, а Виталик и Юра младше меня на два года), и по уму был лидером, и спорщик отменный. Всякий дефект в рассуждениях он мгновенно улавливал и тут же доводил до парадокса, не без передёргивания, впрочем, иногда, но это случалось редко.

— Вторым шёл Юра, который хорошо усваивал Славины приёмы ведения спора (доведение утверждения оппонента до абсурда), а главное - обладал прекрасной физической интуицией, ясностью, наглядностью физического мышления, умением выделить главное в задаче, построить простую физическую модель явления. Он был корифеем "физики на пальцах", то есть не любил наводить тень на плетень громоздкой математикой, а рассуждал прямо из основных законов физики, ч(тко понимая их качественный смысл. Слава прочил ему блестящее будущее, утверждая, что Юра скоро обойдёт его (но при Юре он хвалил его весьма сдержанно, а уж критиковал за ошибки, как и всех, безжалостно).

— Мы с Виталиком уступали Славе и Юре в остроте мышления. Я вполне сознавал это и временами даже страдал от собственного неумения так быстро всё схватывать и четко формулировать, но, слава Богу, самолюбие моё не было настоль гипертрофированно, чтобы отказаться от участия в этих сражениях.

— Особенно полезным в них было то, что круг обсуждаемых проблем не ограничивался сугубо геофизическими вопросами, связанными с нашими собственными задачами. Мы могли завестись по любому физическому явлению, заинтересовавшему кого-то из нас, будь то оптические эффекты в атмосфере, волны в океане или движение одинокого электрона в каких-нибудь сложных полях. Это развивало нашу эрудицию и, конечно, послужило нам добрую службу в дальнейшем.

([продолжение следует](#))